

ПОЛТАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.
1867 года. № 3. Февраля 1.

С Л О В О

ВЪ НЕДѢЛЮ ПО ПРОСВѢЩЕНІИ*)

О ПРОСВѢТИТЕЛЬНОМЪ ЗНАЧЕНІИ И МОГУЩЕСТВЕННОМЪ ДѢЙСТВІИ НА СЕРДЦА ЛЮДЕЙ БОЖЕСТВЕННОГО ЕВАНГЕЛІЯ.

Люде сподяши во тмѣ видѣти свѣтъ велій (Матѣ. IV, 16). — И дивляхуса (Галилеяне) о ученіи Его (Иисуса Христа): бѣ бо уча ихъ яко власть имъ, и не яко книжницы. И ужасошася вси, якоже стязатися имъ къ себѣ, глаголющима: что есть сѣ? и что учение ново сѣ (Марк. 1, 22, 27. — Луки, IV, 32)

Такъ Евангелисты изображаютъ изумленіе жителей Галилеи, когда въ этой, подпавшей языческому вліянію, іудейской странѣ въ первый разъ

*) Произнесено 8 Января 1867 года, въ Крестовой церкви Полтавскаго архіерейскаго дома.

раздалась высокая проповѣдь Спасителя: „покайтесь и вѣруйте во Евангеліе (Марк. 1, 15).“ Покрытые мракомъ язычества (Матѣ. IV, 15) и воспитанные слѣплыми толкователями закона Моисеева, Галилеяне увидѣли, наконецъ, *свѣтъ великій*, т. е. услышали великое просвѣтительное и новое для нихъ евангельское благовѣстіе, и потому, въ недоумѣніи, спрашивали другъ друга: „что это значить? что это за новое ученіе?“

Дѣйствительно, проповѣдь Спасителя о покаяніи и вѣрѣ во Евангеліе, т. е. высокое вѣроученіе и правоученіе, предложенное Господомъ Галилеянамъ, такъ было ново для нихъ во всѣхъ своихъ частяхъ, такъ расходилось съ сложившимися въ нихъ прежде религіозно-нравственными убѣжденіями, что не могло не изумить людей, воспитанныхъ подъ руководствомъ ветхаго закона, а тѣмъ паче—подъ вліяніемъ языческихъ ученій и языческой религіи. Для подтвержденія сказаннаго нами достаточно прочесть въ Евангеліи одну нагорную бесѣду Спасителя къ народу,—достаточно даже остановить вниманіе на одной только части изъ этой бесѣды, именно на ученіи Спасителя о взаимной любви между людьми и о христіанскомъ милосердіи:

„Любите враговъ вашихъ, благословляйте клянущихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обидящихъ васъ и гонящихъ васъ (Матѣ. V, 44).“ Вотъ новая заповѣдь о любви къ ближнему, которой не знали древній міръ! Правда, любовь между людьми положена уже въ самой

природѣ людей, она начертана была и въ ветхомъ законѣ, она известна была и языческому міру; но границы любви древняго міра были слишкомъ узки: эта любовь слишкомъ была ограничена предѣлами національностей, различіемъ кастъ и сословій, условіями дружбы и пр. Спросите Галилейскаго Іудея, современнаго Христу: кого онъ долженъ любить? и онъ отвѣтитъ вамъ словами ветхаго закона: „возлюби ближняго твоего, и возненавидь врага твоего“ (Лев. XIX, 17, 18. Исх. XXXIV, 12). Да, любовь Іудея весьма различала обрѣзаннаго отъ необрѣзаннаго, ближняго отъ врага, свободнаго отъ раба: митаря и вообще Іудеи любили только любящихъ ихъ, по словамъ Спасителя (Матѣ. V, 46). Не обширнѣе ли понималъ взаимную любовь между людьми языческой міръ? Не могли ли языческая Галилея научиться любить человека, какъ человекъ вообще, не исключая врага, иноплеменика, раба и пр., у высокообразованныхъ Грековъ и Римлянъ? Отвѣтъ отрицательный. „Если оказываете пріязнь, — говорилъ Спаситель, — только друзьямъ вашимъ: что особеннаго дѣлаете? и язычники не тоже ли дѣлаютъ“ (Матѣ. V, 47)? Да, образованная Греція слишкомъ различала эллина отъ варвара: вся ея политическая и общественная система была построена на этомъ различіи, т. е. на презрѣніи ко всему остальному человечеству, которое находилось за предѣлами Элады. Образованная Греція слишкомъ различала свободные классы общества отъ подчиненныхъ: свободный

эллинь, занятый государственными дѣлами; предпочитавшій праздныя театральныя развлечения занятиямъ хозяйственнымъ, и относившійся съ полнымъ презрѣнiемъ къ рабу, обреченному законодательствомъ и даже самой греческой философiей на одинъ только постоянный ручной трудъ.

Не лучше ли понималъ любовь между людьми воинственный и практически-образованный Римъ? Да, „гуманность“ — слово такъ принятое въ современномъ обществѣ, кажется, произошло отъ древнихъ Римлянъ. Но, спросите у гуманныхъ и воинственныхъ Римлянъ, современныхъ Христу, спросите у писателей ихъ: „люди ли, по ихъ мнѣнiю, тѣ тысячи рабовъ, которыми владѣли римскiе собственники? люди ли тѣ тысячи плѣнныхъ, отъ которыхъ вводили римскiе легионы? имѣютъ ли эти люди, по крайней мѣрѣ, право на имя человѣка?“

Гуманный римскiй владѣлецъ отвѣтитъ вамъ: „рабы и плѣнники — не люди, а собственность.“

Да, гуманность Римлянъ весьма часто была такова, что мы содрогаемся отъ ея безчувственности къ положенiю низшихъ и бѣдныхъ. Развѣ не у этого гуманнаго народа стонали миллионы ракованныхъ цѣпями рабовъ? Развѣ не у него празвилась та жажда человѣческой крови, которою, для удовлетворенiя звѣрскимъ вкусамъ знатныхъ, истекали тысячи гладиаторовъ на римскихъ амфитеатрахъ? Вотъ почему Спаситель говорилъ нѣкогда своимъ ученикамъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ вѣрующимъ: „заповѣдь *нову* даю вамъ, да любите другъ друга (Иоанн. XIII, 34).“

«Съ заповѣдью Спасителя о любви весьма тѣсно граничить заповѣдь Его о христіанскомъ милосердіи. „Блаженны милостивые, — говорилъ Спаситель, — ибо они будутъ помилованы. Просящему у тебя дай; и хотящаго занять у тебя, не убѣгай. — Но раздавай милостыню такъ, чтобы лѣвая рука твоя не вѣдала, что дѣлаетъ правая (Мате. V, 7, 42; VI, 3).“ Этого же новая заповѣдь для Галилеянъ. Дѣла милосердія современныхъ Христу іудейскихъ богачей были проникнуты характеромъ тщеславія, лицемѣрія и пріязни, по словамъ Спасителя (Матея VI, 1—4); а гуманный языческій міръ того времени поражаетъ насъ полною безчувственностію къ положенію бѣднаго. „Для чего ты даешь милостыню бѣдному, — слышимъ мы отъ древнихъ образованныхъ людей, — пусть пропадаетъ съ голоду, а ты только удлиняешь его мученія*.“ „Стыдись склоняться предъ бѣднымъ, напротивъ отвращайся отъ него съ омерзѣніемъ**).“ Благотворити всѣмъ, даже ненавидящимъ насъ, — благотворити двѣ простотѣ сердца могъ научить людей только Богъ. Много новаго, много новыхъ догматовъ и заповѣдей, — услышали отъ Иисуса Христа жители Галилеи и вообще Іудей. Они услышали проповѣдь о томъ, что должно чтить женщину, а въ женщинѣ мать, супругу, семейство, что должно чтить правдѣ и законъ, — словомъ Евангеліе пред-

*) Слова Плавта, языческаго писателя (+184 до Р. Хр.).

**) Слова Квинтиліана (42—118 по Р. Хр.).

ложило имъ новыя религіозно-нравственныя основы не только для жизни личной, — то есть для жизни каждаго человѣка въ частности, но и для жизни общественной и государственной.

Бр.! Евангеліе есть первая и вмѣстѣ послѣдняя спасительная вѣсть Бога челѣку и челѣчеству. Оттого оно есть и будетъ во все времена вѣчно новымъ и первымъ просвѣщающимъ началомъ для христіанина и христіанскаго общества. Понимая такое высокое просвѣтительное значеніе св. Евангелія, св. Церковь предлагаетъ своимъ членамъ евангельское просвѣщеніе прѣжде всего въ самомъ Евангеліи, потомъ въ храмѣ Божіемъ и въ церковной проповѣди; затѣмъ въ христіанскихъ школахъ и христіанской письменности. Но относимся ли мы съ должнымъ благоговѣніемъ и вниманіемъ къ высокиму и спасительному глаголамъ евангельскимъ? Такъ ли св. Евангеліе ново и величественно для насъ, какъ для первыхъ его слушателей? Не изумляетъ ли насъ, напротивъ, своєю новизною другое какое-либо ученіе и, можетъ быть, чуждое евангельскаго духа? Считаемъ ли мы св. Евангеліе необходимою домашнею книгою? Считаемъ ли мы сѣмя слова Божія и евангельскаго, — это единое и на потребу челѣка, — первымъ просвѣщающимъ началомъ при домашнемъ и общественномъ воспитаніи дѣтей? Не отказываемъ ли своей прислугѣ, для которой, можетъ быть, евангельское ученіе буквально ново, по ея положенію, — не отказываемъ ли ей хотя иногда послушать въ храмѣ Божіемъ то ученіе, которое предлагаетъ

ся въ равной мѣрѣ какъ богачу, такъ и нищему?.. На эти и подобные вопросы должна отвѣтить собственная совѣсть каждаго изъ насъ.

Но не одно божественное величіе и не одна новизна евангельской проповѣди изумили жителей древней Галилеи: не менѣе того изумило ихъ еще могущественное дѣйствіе ученія Христова на сердца слушателей: *бѣ бо учи ихъ яко власть имыи, иже имъ яко книжници,* замѣчаютъ Евангелисты (Мате. VII, 29.—Марк. I, 22). Эта власть евангельскаго ученія была такъ велика, что по одному Божественному зову, галилейскіе рыбаки (Симонъ, Андрей, Іаковъ и Іоаннъ) покидаютъ свои сѣти, родныхъ и идутъ во слѣдъ человѣка, который Самъ не имѣлъ гдѣ главы подклонить (Мате. IV, 18—22). Эта власть евангельскаго ученія была такъ велика, что галилейскіе рыбаки,—люди бѣднаго состоянія, люди вовсе необразованные,—сдѣлавшись, послѣ божественнаго призванія, ловцами человѣковъ, евангельскимъ ученіемъ покоряютъ Христу сильныхъ и премудрыхъ міра, людей богатыхъ, царей и царства. Эта власть евангельской истины была такъ велика, что кровавыя сѣкиры, пылающіе костры, мучительныя пытки, позорныя кресты, бѣшеные звѣри,—словомъ всѣ жестокости внѣшней силы ничего не значили въ успѣхѣ Евангелія. По прошествіи цѣлыхъ трехъ вѣковъ непрерывнаго мученичества, гонители должны были вложить въ ножны свои претупленные и окровавленные невинною кровью мечи,—должны были сознаться, что права истины и совѣсти

сильнѣе и священнѣе правъ вѣшней силы.

Бр.! Спросимъ себя опять: ощущаетъ ли наше сердце на себѣ божественную власть и могущество св. Евангелія? Не увлекаютъ ли насъ скорѣе и болѣе Евангелія другія какія либо ученія, чуждыя евангельскаго духа? Не предпочитаемъ ли мы пустой повѣсти глаголамъ живота вѣчнаго?... На это, повторяемъ опять, пусть отвѣтитъ совѣсть каждаго. Проповѣднику слова евангельскаго можно и должно сказать только то, что если въ насъ недостаетъ должнаго вниманія, уваженія и благоговѣннѣя къ Евангелію, если мы, съ другой стороны, не ощущаемъ на себѣ божественнаго могущества св. Евангелія; то въ этомъ виновно не само Евангеліе, не само сѣмя Слова Божія, которое всегда ново, плодотворно и могущественно, но собственное наше сердце, — недостатокъ въ насъ пріемлимости къ глаголамъ живота вѣчнаго, какъ изъясняетъ намъ это прічта Спасителя о сѣмени и Сѣятелѣ (Матѣ. XIII, 3—23). Проповѣднику Слова евангельскаго должно также напомнить слушателямъ то грозное слово Евангелія, которое когда-то сказано было глухимъ и невнимательнымъ къ голосу божественной истины Іудеямъ: *отыметя отъ васъ царствіе Божіе и дастся языку иному. Аминь.*

Борисъ Поликартовъ.

ПАМЯТИ МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНІЯ

(1767—1867)

(письмо къ редактору полтавскихъ епарх. вѣдомостей).

Въ столичныхъ газетахъ (помнится въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ), въ концѣ прошлаго года, одинъ изъ петербургскихъ преподавателей, г. В. Кеневичъ, выражая свое удовольствіе, что столѣтній юбилей Карамзина отпразднованъ въ Петербургѣ достойно, съ чувствомъ особенной радости напоминаетъ, что чрезъ годъ съ небольшимъ (2 февраля 1768 г.) настанетъ столѣтіе со дня рожденія И. А. Крылова... „Чѣмъ-то мы почтимъ память этого великаго учителя нашего?“ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ спрашиваетъ г. Кеневичъ, уже нѣсколько лѣтъ трудящійся надъ изученіемъ Крылова... Нельзя не сочувствовать и этой радости о юбилеѣ, и этой любви къ писателю. Справедливо было сказано, что подобные всероссійскіе праздники содѣйствуютъ развитію сознанія народнаго; а этому сознанію много послужилъ нѣкогда Крыловъ, въ произведеніяхъ котораго несравненно сильнѣе, чѣмъ у всѣхъ предшествовавшихъ ему писателей, сказалось пониманіе народности. Но г. Кеневичъ, въ своемъ увлеченіи Крыловымъ, вѣроятно, упустилъ изъ виду, что намъ предстоитъ новый вѣковой юбилей, еще раньше

Крыловскаго, — я разумѣю юбилей ревностнаго изслѣдователя нашей старины, замѣчательнѣйшаго подвижника въ русской литературѣ и исторіи — *Клевскаго Митрополита Евгенія* (род. 1767 года, декабря 18, въ Воронежѣ *).

И такъ, третій юбилей, третій годъ сряду, приходится намъ праздновать. И посмотрите, какое замѣчательное сближеніе: героемъ перваго явился человекъ, вышедшій изъ крестьянскаго сословія; героемъ втораго — членъ дворянскаго сословія; героемъ третьяго — представитель духовенства. Три основныя силы Россіи — простонародье, дворянство и духовенство, одно за другимъ — дали намъ величайшихъ и — можно сказать — *единственныхъ* дѣятелей во славу родины **).

*) Г. Гречъ въ своемъ «Опытѣ краткой исторіи русской литературы» (Спб. 1822), на стр. 264, говорить, что Преосвящ. Евгеній родился 19 декабря; но это ошибка: въ биографіи Митр. Евгенія при «Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей» (М. 1845, т. I, стр. 1) показано 18 декабря; то же и въ другихъ биографическихъ статьяхъ о немъ.

**) Вотъ для любознѣтства таблица, показывающая годы, ознаменованные рожденіемъ или смертью нашихъ известнѣйшихъ писателей за вторую половину 18 вѣка (начинаемъ съ 1767 года):

1767 род. Митр. Евгеній; + Митр. Димитрій Свѣченоев.
1768 род. И. А. Крыловъ.
1769 — Архiep. Амвросій Протасовъ, И. П. Котляревскій; + В. К. Тредьяковскій.
1770 — В. А. Озеровъ.

Я не позволю себѣ теперь напоминать и доказывать великія заслуги Митр. Евгенія—(кто ихъ

1771—Архіеп. Амвросій Зертисъ-Каменскій.
1772—род. Гр. М. М. Сперанскій; + Митр. Арсеній Мацѣвичъ.

1777—А. П. Сумароковъ.

1778—род. А. Ѳ. Мерзляковъ, Г. Ѳ. Основьяненко.

1781—А. Х. Востоковъ.

1782—Митр. Московскій Филаретъ.

1783—В. А. Жуковскій; + Св. Тихонъ Задонскій.

1784—Митр. С.-Петерб. Григорій, И. И. Козловъ,
Н. И. Гнѣдичъ, Еписк. Иннокентій Пензенскій, Д. В. Давыдовъ; + И. И. Хемницеръ и А. Ѳ. Аблесимовъ.

1785—Графъ Д. Н. Блудовъ.

1786—Гр. С. С. Уваровъ, Ф. Ф. Вигель.

1787—Ир. Г. П. Павскій, К. Н. Батюшковъ, Н. И. Гречъ.

1789—М. Н. Загоскинъ, Н. И. Хмѣльницкій, Ѳ. В.

Булгаринъ.

1791—С. Т. Аксаковъ.

1792—И. А. Плетневъ, Кн. П. А. Вяземскій; + Д. И. фонъ-Визинъ.

1795—А. С. Грибоѣдовъ, Прот. Г. М. Скворцовъ;

+ Архіеп. Георгій Конискій.

1796—Н. А. Полевой.

1797—Прот. Ѳ. А. Голубинскій.

1798—Бар. А. А. Дельвигъ.

1799—А. С. Пушкинъ.

1800—Е. А. Баратынскій, Ѳ. И. Сенковскій, Архіеп.

Херсонскій Иннокентій, М. П. Погодинъ.

Итакъ, отъ прошлаго столѣтія осталось нынѣ только трое въ живыхъ: Митрополитъ Филаретъ, Кн. П. А. Вяземскій и М. П. Погодинъ.

болѣе или менѣе не знаетъ?); не позволю себѣ до-казывать здѣсь ту мысль, что столѣтній юбилей его необходимъ, что, отдавши почетъ свѣтскимъ дѣятелямъ, обязательно отдать его и лицу духовному, которое подвигомъ добрымъ подвизалось на полѣ науки (ни въ томъ, ни въ другомъ никто не можетъ сомнѣваться): но я желаю только обратить вниманіе читателя на то обстоятельство, что личность этого замѣчательнаго человѣка еще доселѣ не изслѣдована, что для оцѣнки его трудовъ еще почти ничего не сдѣлано, что сочиненія его крайне разбросаны, или крайне плохо изданы, что самая жизнь его извѣстна намъ только своею официальною стороною. Да и самая-то сторона эта какъ скудно извѣстна: знаемъ только, *въ какомъ году* онъ былъ епископомъ, архіепископомъ, митрополитомъ; когда и куда былъ переводимъ на кафедры; какихъ ученыхъ обществъ былъ членомъ: вотъ и все! Даже о характерѣ его управленія мы почти ничего не знаемъ. А о литературной дѣятельности опять-таки знаемъ только то, когда вышло въ свѣтъ то или другое его сочиненіе, знаемъ заглавія этихъ сочиненій: и дѣлу конецъ!*) А гдѣ же во всемъ этомъ человѣкъ? гдѣ исторія развитія души его? какія обстоятельства содѣйствовали или препятствовали его энергической дѣятельности, — объ этомъ вы можете и не спрашивать:

---

*) Говоря это, я имѣю въ виду статьи о М. Евгеніи, претендующія на *біографическій очеркъ* его жизни и ученыхъ трудовъ. (См.: Ворон. Лит. Сборникъ 1864 г.)

отвѣта не получите... А вотъ, въ этомъ же году, 23 февраля, исполнится уже 30 лѣтъ со дня кончины его... Новый поводъ къ воспоминаніямъ! Что-же сдѣлано для него въ эти 30 лѣтъ? Не успѣли-ли уже мы хорошенько забыть его? Невольно приходятъ при этомъ на память горькія своею правдою слова Пушкина: „замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ: мы лѣнны и нелюбопытны.“ Впрочемъ, упрекнуть себя въ томъ, что мы нелюбопытны, было-бы не совсѣмъ точно; а вотъ ужъ что мы лѣнны—противъ этого спорить нельзя. Вамъ, отецъ протоіерей, и всѣмъ лицамъ, работающимъ въ духовныхъ изданіяхъ, предстоящій юбилей Митропол. Евгенія долженъ быть болѣе близокъ, чѣмъ многимъ другимъ, и потому-то я заблаговременно пишу вамъ о скоромъ его приближеніи: возвѣстите православнымъ!..

Но да не останется это возвѣщеніе только простымъ заявленіемъ! Нѣтъ, этимъ заблаговременнымъ извѣстіемъ желалось бы дать возможность инымъ, пока есть время, предпринять какіе либо труды въ память Митроп. Евгенія. Кому не желательно было бы:

Во I-хъ, чтобы составлена была ко дню юбилея полная и основательная біографія Высокопреосвященнаго Владыки;

Во 2-хъ, чтобы хоть были подготовлены матеріалы для отчетливой оцѣнки литературной дѣятельности его.

Вѣдь и то и другое у насъ — въ крайне-жалкомъ состояніи; это у всѣхъ передъ глазами. До

какихъ же поръ, наконецъ, мы будемъ ограничиваться тѣми послужными списками его, какія только и водятся у насъ! И въ этихъ спискахъ сколько ошибокъ, противорѣчій, грубѣйшихъ и все-таки переходящихъ изъ одного источника въ другой *). Даже историческая связь не соблюдена въ его скудныхъ біографіяхъ; такъ, иные біографы его считаютъ долгомъ—отдѣльно пересчитать степени его іерархическаго служенія, отдѣльно перечислить избраніе его въ члены разныхъ ученыхъ обществъ, отдѣльно—назвать его сочиненія, опять таки отдѣльно—его неизданныя сочиненія и опять отдѣльно—его изданія. Какой смыслъ во всѣхъ этихъ отдѣленіяхъ въ *біографическомъ* очеркѣ! Какъ будто вся эта дѣятельность такъ-вотъ и пробилась на подобные отдѣлы и притомъ точно въ такомъ же порядкѣ! Какъ будто неумолимое усердіе и поразительное разнообразіе трудовъ Митроц. Евгенія яснѣе становятся при такомъ разрывчатомъ изложеніи!... Говорятъ, что въ Кіевской Духовной Академіи хранится его рукописная біографія. Издать ее **), или составить обстоятельную и по возможности полную его біографію давно уже нужно, а къ юбилею—рѣшительно должно. Печатные матеріалы для нея въ настоящее время или крайне-бѣдны, или разбросаны самымъ отрывочнымъ образомъ во множествѣ

*) Это будетъ доказано мною въ свое время.

***) Впрочемъ, не она ли издана въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1862 года № 19?

книгъ и періодическихъ изданій, но несомнѣнно же, многое для этого дѣла еще хранится въ архивахъ.. Не странное ли явленіе: человекъ, послужившій литературѣ 50 лѣтъ, составившій 270 біографій духовныхъ писателей и 450 біографій свѣтскихъ писателей, не дождался, въ 30 лѣтъ послѣ своей кончины, ни одной сколько нибудь достойной, или хоть сносноі біографіи! Человекъ, бывшій 33 года святителемъ на сѣверѣ, югѣ и востокѣ Россіи, почти забытъ на сѣверѣ, югѣ и востокѣ!... А вѣдь Митр. Евгенийъ былъ свидѣтелемъ важнѣйшихъ событій въ нашемъ отечествѣ и во многихъ принималъ дѣятельное участіе. И какія знаменательныя соближенія и явленія въ его жизни отъ самаго дѣтства и до глубокой старости! И между тѣмъ — повторяю — мы мало, очень мало знаемъ о немъ. Пора же сдѣлать хоть что-нибудь, хоть ради грядущаго юбилея!

Какъ ни бѣдны наши источники для біографіи Митр. Евгенія, но еще въ болѣе жалкомъ видѣ представляется намъ оцѣнка его литературной дѣятельности: тутъ ужъ ровно ничего не сдѣлано. А вѣдь болѣе 40 значительныхъ сочиненій имъ было издано, и въ какое время! а 23 еще остается въ рукописи... Впрочемъ, составитель позднѣйшей статьи о Митр. Евгеніи, помѣщенной въ Энциклопедическомъ Словарѣ 1863 года, г. К. В.—Р. *) говорить, что лучшую оцѣнку ученой дѣятельности

---

*) Профессоръ К. Бестужевъ-Рюминъ?... Энцикл. Словарь. Второй отд. томъ I, вып. 1, стр. 19.

Митр. Евгенія представляет преосв. Филаретъ, и при этомъ господи́нь К. Б.—Р. выписываетъ изъ „Обзора р. духовной литературы“ отзывъ преосв. Филарета, не доказывая его съ своей стороны ни единымъ словомъ... Мнѣ кажется, что всякому любителю духовнаго просвѣщенія больно было-бы думать, что приговоръ преосв. Филарета о Митр. Евгеніи безусловно вѣренъ, и что его суровымъ приговоромъ дѣло оцѣнки Митр. Евгенія покончено... Кто же не знаетъ характера отзывовъ преосв. Филарета! кто не знаетъ, какъ онъ любилъ приводить эти отзывы! Иногда—очень мѣтко, но часто—очень жестко, рѣзко и почти всегда—бездоказательно, голословно. Такъ вотъ и здѣсь. Преосв. Филаретъ говоритъ о Митр. Евгеніи *), что при первомъ обзорѣ *каждаго* (замѣтьте: *каждаго!*) изъ историческихъ сочиненій его, видно, что у него никогда не было систематическаго взгляда на явленія исторіи; что кучи фактовъ историческихъ не соединены никакою общою мыслію, не оживлены чувствомъ души (слышите—у Евгенія-то!); факты набросаны (каковъ тонъ!) безъ различія важнаго отъ пустаго; что причинъ и слѣдствій событій у него не увидите; что онъ свои историческія свѣдѣнія составлялъ изъ послужныхъ списковъ профессоровъ университета. Вотъ сущность отзыва преосв. Филарета о *каждомъ* изъ историческихъ сочиненій Митр. Евгенія! Про-

---

*) Приводимъ отзывъ его по 1-му изданію «Обзора», потому что на него именно ссылается г. К. Б.—Р.

тивъ такого рѣзкаго, голословнаго приговора и бороться нечего. Господинъ К. Б.—Р. привелъ этотъ отзывъ безъ всякихъ съ своей стороны доказательствъ; ограничусь и я на этотъ разъ отрицаніемъ этого отзыва тоже безъ всякихъ доказательствъ. Подробнѣе поговорю я объ этомъ въ другое время. Здѣсь же замѣчу еще только нѣкоторыя варіаціи въ сущности этого отзыва; такъ, въ 1 изданіи „Обзора“ (стр. 164) говорилось, что у Митр. Евгенія *никогда* не было систематическаго взгляда; въ „Энциклоп. же Словарѣ“ (стр. 19) сказано: *иногда* не было, — а ужъ во 2-мъ изданіи „Обзора“ просто говорится: не было систематическаго взгляда. Подумаешь, что какъ-будто смягченіе замѣтно; но вотъ заключительныя строки изъ 2 изданія „Обзора“: Въ Митр. Евгеніи сколько изумляетъ собою обширность свѣдѣній его, *столько же поражаетъ бездѣйствіе размышляющей силы*, часто и рѣзко высказывающееся.“ Невольно улыбнешься, читая подобное заключеніе. Если повѣрить преосв. Филарету, такъ размышляющей силы нисколько не требуется для того, чтобы собрать свѣдѣнія, разгруппировать ихъ, отбросить ложныя показанія, привести посильные отзывы — и всю эту работу продѣлать, почти первому, надъ 720 писателями въ своихъ словаряхъ! (Не говорю ужъ о прочихъ трудахъ Митр. Евгенія).

Далеко иначе думали о неутомимомъ архипастырѣ-историкѣ многіе другіе писатели, напр. Шлецеръ, Погодинъ, Калайдовичъ, Надеждинъ, Шевыревъ, Полевой, Кешенъ, Графъ Н. П. Румян-

повъ, Графъ Ѳ. А. Толстой, Сахаровъ, Амфитеатровъ, Савваитовъ, Пекарскій... и разные европейскіе ученые, которые полезнымъ для себя считали вести съ нимъ переписку. Жаль только, что эти отзывы произносились ими какъ-бы мимоходомъ, и что поэтому въ нихъ не можно быть полной доказательной силы. Впрочемъ, какъ бы мы ни судили о заслугахъ, оказанныхъ наукъ М. Евгеніемъ, ясно одно только, что дѣятельность его еще доселѣ не была предметомъ спеціальнаго (изслѣдованія и что она по всемъ правамъ требуетъ еще сосредоточеннаго нашего вниманія.

Есть еще сторона въ жизни Митр. Евгенія—и сторона очень важная,—на которую тоже не обращено должнаго вниманія: не изданы, не собраны и даже не указаны письма его къ разнымъ лицамъ, какъ напечатанныя, такъ и остающіяся гдѣ нибудь въ дальнемъ ящикѣ. А въ письмахъ Митр. Евгенія заключается обильный и драгоценный матеріалъ какъ для его біографіи, такъ и для очерка многихъ его современниковъ. Нѣсколько писемъ уже напечатано: Селивановскому, Городчанинову, Графу Хвостову, Державину, Мартынову, Анастасевичу, Протоіерею І. Григоровичу, С. Г. Устиновскому, неизвѣстному другу и какому-то архимандриту. Но напечатанное, безъ сомнѣнія, слишкомъ незначительная доля въ сравненіи съ тѣмъ, что еще хранится гдѣ нибудь. Такъ напр., писемъ къ Городчанинову напечатано только 32, а ихъ сохранилось 140. Они обнимаютъ собою періодъ около 35 лѣтъ, отъ времени учительства

Евгенія въ Александроневской Академіи и до 18 февраля 1837 года, т. е. прерываются за *пять дней* до кончины Высокопреосвящ. Митрополита. Еще въ 1857 году обѣщали издать ихъ: гдѣ же они? Господинъ А. М., издавшій 32 письма, совершенно справедливо говоритъ *), что письма эти имѣютъ близкое отношеніе къ ученымъ трудамъ преосв. Евгенія, указывая на удивительную ревность его къ занятіямъ, на источники, кои онъ заботливо всюду отыскивалъ, и на его критическій взглядъ на нѣкоторыхъ писателей. Въ письмахъ соединены и простота самая естественная, и ученость глубокомысленная, и откровенность чистосердечная, и остроуміе затѣливое и находчивое. Въ нихъ виденъ духъ преосв. Евгенія гораздо болѣе, нежели въ другихъ его ученыхъ произведеніяхъ, часто открывается и духъ того времени, особенно въ отношеніи къ литературѣ и ученымъ тогдашнимъ вопросамъ. Перо преосв. Митрополита въ этихъ письмахъ такъ бойко и сильно, такъ молодо и свѣжо, что, читая ихъ, невольно забываешь о давнемъ времени, въ кото-

*) Журн. М. Нар. Просв. 1857, часть 94, № 4, отд. VII, стр. 2 и 3. Замѣтимъ при этомъ, что г. Сухомлиновъ въ своей книгѣ: «Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I, Спб. 1866», на стр. 216, говоритъ, что эти письма Митр. Евгенія изданы Савваитовымъ (значитъ, А. М. и Савваитовъ одно и то же лицо?): радуемся, что письма эти въ хорошихъ рукахъ и не теряемъ надежды видѣть ихъ изданными вполнѣ.

рое они писаны. Очень часто Преосвященный употребляетъ въ нихъ фразы на языкахъ французскомъ и латинскомъ, по духу того времени. Кроме напечатанныхъ писемъ, мы знаемъ, что онъ велъ переписку еще съ Сопиковымъ, Кеппенемъ, Яковкинымъ, Ермолаевымъ, Архіеп. Амвросіемъ (Протасовымъ), Н. Н. Вантышъ-Каменскимъ, П. М. Строевымъ, К. О. Калайдовичемъ, Графомъ Н. П. Румянцовымъ и нѣкоторыми европейскими учеными, съ коими переписывался на разныхъ языкахъ—и древнихъ и новѣйшихъ... но опять-таки: гдѣ всѣ эти письма? Собрать и издать ихъ, хоть тѣ, коимъ удалось уцѣлѣть, издать къ юбилею—было бы наиболѣе кстати (словно рѣчь самого Преосвященнаго слышалась бы въ его праздникъ!) и вмѣстѣ съ тѣмъ это собраніе писемъ было бы богатымъ подаркомъ русской литературѣ. Но необходимо, чтобы письма обставлены были разными историческими, литературными и библиографическими примѣчаніями, какъ сдѣлано это напр. съ письмами Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. И такъ, вотъ еще сколько предстоитъ намъ дѣла, вотъ чего ожидаетъ отъ насъ Митр. Евгеній ко дню своей столѣтней годовщины!

Но, можетъ быть, скажутъ: „все это такъ,—да задачи-то велики; время не позволить успѣшно выполнить ихъ.“—Вотъ то-то и бѣда наша, что мы всё жалуемся на недостатокъ времени, да только охаемъ предъ величиною труда. Что же мѣшаетъ раздѣлить работу? Что мѣшаетъ условиться кружку ученыхъ дѣятелей, напр. Кіевской Академіи и

Семинаріи, и распредѣлитъ между собою занятія по этому дѣлу? Что мѣшаетъ условиться, путемъ печати, многимъ и многимъ семинарскимъ преподавателямъ, бывшимъ кievскимъ академистамъ Евгеніева времени, условиться въ томъ, что одинъ изъ нихъ беретъ на себя такую-то работу, другой—другую и т. д.?.. Наконецъ, никто и не требуетъ непременно исполненія *всего*, что должно было-бы сдѣлать въ память Митр. Евгенія; но пусть же будетъ сдѣлано хоть то, что возможно. Уже если вѣковыя годовщины не стануть будить насъ къ исполненію долга предъ тѣми, кои для насъ сдѣлали такъ много, то что же и разбудить насъ?.. Я убѣжденъ, что вполнѣ возможно сдѣлать—и вполнѣ добросовѣстно сдѣлать—хоть что нибудь изъ этихъ напр. предположеній:

1. Архипастырская дѣятельность Пр. Евгенія на архіерейскихъ кафедрахъ, до 1822 года (тутъ три или четыре работы).
2. Служеніе Митр. Евгенія на кафедрѣ Кіевской митрополіи.
3. Участіе его въ судьбахъ Кіевской Духовной Академіи.
4. Дѣятельность его, какъ историка церкви, историка епархіи, монастырей, областей, городовъ.
5. Заслуги его, какъ историка литературы.
6. Труды его, какъ археолога, филолога, переводчика.
7. Біографическія воспоминанія о немъ его современниковъ, его учениковъ.
8. Литературныя связи Митр. Евгенія.

9. Очетливый хронологическій списокъ его произведеній, съ указаніемъ содержанія разбросанныхъ журнальныхъ статей его.

10. Указатель и оцѣнка матеріаловъ для его біографіи и критическихъ статей о его произведеніяхъ.

11. Изданіе сборника его писемъ.

12. Изданіе наиболѣ замѣчательныхъ произведеній его, остающихся въ рукописи.

Вотъ какая обильная и благодарная почва для многихъ тружениковъ! Вотъ поводъ для цѣлорада интереснѣйшихъ статей въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ Новгорода, Вологды, Калуги, Пскова, Кіева и въ другихъ духовныхъ изданіяхъ!

Въ Кіевской Духовной Академіи, конечно, образуется комитетъ для лучшаго устройства всѣхъ подобныхъ работъ; въ этотъ комитетъ могутъ быть присылаемы труды стороннихъ лицъ, и комитетъ ко дню юбилея, вѣроятно, издастъ какой нибудь сборникъ, въ которомъ и найдутъ себѣ мѣсто хоть лучшіе, необходимѣйшіе изъ приготовленныхъ трудовъ.

Однако... да не подумаль бы кто нибудь, что я дѣлаю какия-то распоряженія, даю указанія... Помилуй Богъ! Нисколько!... Благоговѣя предъ памятью Митр. Евгенія, я хочу только предложить свое мнѣніе, что нужно-бы для него сдѣлать; а тамъ... вольному воля, и всякъ самъ себѣ господинъ, у всякаго свой царь въ головѣ.

Соединяя слово съ дѣломъ и желая быть сколько нибудь полезнымъ въ совершеніи трудовъ въ

память Митр. Евгенія, я съ своей стороны представлю въ скоромъ времени сводъ печатныхъ извѣстій о его жизни, хронологическій списокъ его произведеній, всѣ библиографическія указанія, какія накопятся у меня при этихъ занятіяхъ и наконецъ предлагаю свое содѣйствіе въ составленіи примѣчаній къ письмамъ Митр. Евгенія.

Когда обнаружится предполагаемое мною общее участіе къ памяти Высокопреосв. Владыки, когда дѣло изученія его, поднятое дружно, пойдетъ успешно и съ Божьею помощью, совершится къ его столѣтію; тогда—будетъ ли или не будетъ празднуемъ Евгеніевскій юбилей такъ же торжественно, какъ Ломоносовскій и Карамзинскій,—это ужъ дѣло второстепенной важности. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что Воронежъ, гдѣ Митр. Евгеній родился и учился, Москва, гдѣ онъ довершилъ свое образованіе, Петербургъ, гдѣ онъ училъ, Новгородъ, Вологда, Калуга, Псковъ и Кіевъ, гдѣ онъ святительствовадь, не забудутъ его 18 Декабря, и въ своихъ святыхъ храмахъ, въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ, единодушно и искренно почтутъ память того, кто имъ такъ близокъ и незамѣнимъ доселѣ! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что русскіе святители какъ въ день Ломоносовскій, во всемъ своемъ величавомъ сонмѣ, окажутъ братское вниманіе памяти М. Евгенія. Нѣтъ сомнѣнія, что Академія Наукъ вспомнитъ своего почетнаго и дѣйствительнаго члена; Университетъ Московскій почтитъ своего питомца и почетнаго члена, такъ много послужившаго универ-

ситетскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ; да и прочіе университеты, которыхъ всѣхъ Высокопреосвященный Евгеній былъ членомъ, которымъ послужилъ онъ украшеніемъ, отдадутъ достойному достойное!...

Но въ душу невольно проникаетъ тревожное сомнѣніе, которое касается тѣхъ, кому долженъ бы быть всего ближе грядущій юбилей.. Факты есть, возбуждающіе это сомнѣніе! Судите сами: въ то время, какъ въ свѣтской литературѣ были празднуемы 50-ти лѣтніе юбилеи Крылова, Жуковского, Глинки, Графа Блудова, Греча, Щепкина, Кн. Вяземскаго, Востокова (кажется, я еще забылъ чей-то), былъ ли празднуемъ хоть одинъ юбилей пятидесятилѣтній лица духовнаго, юбилей литературной его дѣятельности?.....

Теперь возьмите другое обстоятельство. Странное дѣло, право, что въ то время, какъ свѣтская литература съ похвальнымъ усердіемъ такъ много дѣлаетъ для своихъ великихъ писателей (вспомните недавнія, свѣжія изданія въ память Лермонтова, Ломоносова, Державина, фонъ-Визина, Карамзина), въ то самое время духовная литература словно заключилась вся въ Епархіальныя Вѣдомости и духовные журналы, и болѣе ничего знать не хочетъ. И это — теперь, а прежде что было, хоть лѣтъ 10 назадъ и даже менѣе! Нужны-ли доказательства? Вотъ историкъ С.-Петербургской Духовной Академіи (въ Христ. Чтеніи 1854 г., т. II, стр. 92) говоритъ: „біографіи полезныхъ отечеству лицъ изъ духовенства у насъ не вошли

еще въ обычай.“ Вотъ въ 1856 г., заканчивая свою книгу, говорить одинъ изъ историковъ Кіевской Дух. Академіи: „грустно подумать, какъ мало мы знаемъ о людяхъ, стяжавшихъ себѣ вѣчную память дѣлами, касающимися церкви православною, отечества и просвѣщенія народнаго. Былъ такой-то, умеръ тамъ-то — вотъ и все!“ Вотъ въ 1861 г. редакція „Воронежской Бесѣды“ заявляетъ, что всѣ ея попытки къ помѣщенію на страницахъ своего изданія обстоятельнаго историческаго очерка если не епархіи воронежской, то по крайней мѣрѣ воронежской семинаріи, не имѣли ровно никакого успѣха*). А между тѣмъ въ архивахъ нашихъ духовныхъ консисторій, замѣчаетъ та же редакція, хранится неопечатаю источникъ богатыхъ историческихъ матеріаловъ. Когда мы дождемся ихъ изданія, хотя бы въ сыромъ первоначальномъ видѣ! Безъ нихъ нечего и думать о полнотѣ провинціальной исторіи... Правда, въ послѣднее время достаточно было сдѣлано для изученія личности патріарха Никона, кое-что — для Митр. Стефана Яворскаго, Феофана Прокоповича Прекрасно! но во 1-хъ, въ этой работѣ участвовали и свѣтскіе дѣятели, а во 2-хъ, эти лица относятся къ минувшимъ вѣкамъ. Пора же обратиться и къ М. Евгенію и для него что нибудь сдѣлать! Скажутъ: „да это — время недавнее; многого еще нельзя писать.“ Э, полноте! Выходятъ же Записки Лопухи-

---

*) Воронежск. Бесѣда 1861. Спб. стр. 259, примѣчаніе.

на, Державина, Дмитриева, Карамзина, біографіи Пушкина, Гоголя; выходятъ монографіи о Графѣ Сперанскомъ, Гр. Блудовъ—лицахъ, которыя были *младшими* современниками Митр. Евгенія... Да! пора, пора собирать матеріалы, преданія и о Митр. Евгеніѣ, потому что они исчезаютъ, а безъ свидѣтельствъ очевидцевъ трудно многому повѣрить*). Время не ждетъ никого; годы уносятъ прошлое, гасятъ воспоминанія... И мало скажутъ потомству архивныя, форменныя бумаги, если не дойдетъ до него живой голосъ ближайшихъ современниковъ; мало прочтетъ въ официальныхъ источникахъ самое пытлиное око далекаго потомка, если не прозвучитъ предъ нимъ теплая рѣчь воспримчиваго сердца, которое знало, любило и цѣнило такую высокую и свѣтлую личность, какою былъ Митр. Евгеній. Поспѣшимъ-же своевременно отдать ей

---

*) Если чувство, внушившее мнѣ это письмо, могло возбудить въ комъ нибудь довѣріе къ моимъ силамъ—представить по возможности удовлетворительную біографію преосв. Евгенія; если для составленія этой біографіи нужны любовь къ труду, уваженіе къ лицу, безпристрастное изученіе источниковъ,—я общаю все это и счель-бы себя крайне счастливымъ, если бы лица, владѣющіе какими нибудь матеріалами для его біографіи, благоволили сообщить ихъ мнѣ, адресуя: *въ Полтаву, Степ. Иван. Пономареву, въ военной гимназіи*. Нечего и говорить, что всякое сообщеніе было-бы принято съ глубочайшею благодарностію, и всѣ важныя документы были-бы возвращены не позже 3-хъ мѣсяцевъ по полученіи ихъ.

должное: „все въ пору да кстати, такъ всё будутъ рады“—говорить опытная мудрость народа. И дай Богъ, чтобы скорѣе наступила та пора, когда появится книга: „Митрополитъ Евгений и его время“!.....

С. Пономаревъ.

21 Января 1867 года.

Полтава.

ПЕРЕХОДЯЩІЯ МЫСЛИ.

I.

„Горе вамъ, когда всё люди будутъ говорить о „васъ доброе“, сказалъ Спаситель міра (Лук. VI, 26). А между тѣмъ мы почитаемъ *общественное мнѣніе* признакомъ истинной оцѣнки человѣка. Я думаю, что общественное мнѣніе о вещи, объ какой либо идеѣ можетъ быть еще допущено,—но собственно о человѣкѣ—едва ли возможно въ обществѣ людей гдѣ, страсти и различіе наклонностей вызываютъ разномысліе, а потому, чтобы угодить всѣмъ надобно льстить страстямъ и наклонностямъ каждаго.—Это подтверждается другими словами Спасителя: „еслибы вы были отъ міра, то міръ любилъ бы свое (Іоанна XV, 19)“.....

Для свѣта добрыя дѣла видимыя такими по наружности достаточны, чтобы человѣкъ почитаемъ былъ добродѣтельнымъ; для истиннаго христиани-

на этого недостаточно; для него нужно, чтобы побудительныя причины къ добрымъ дѣламъ были уже сами въ себѣ добродѣтели. Если тѣнь самолюбія или любочестія вмѣшалась въ тайное побужденіе къ доброму дѣлу, то оно уже недостойно христіанина; онъ долженъ дѣлать все по обязанности, изъ долга благодарности и любви къ своему Искупителю, Которому онъ никогда не въ силахъ вознаградить за все для него сдѣланное.

По этому, первѣйшее качество христіанина, — основаніе всѣхъ добродѣтелей, — должно быть *внутреннее смиреніе*. Но какъ пріобрѣсти совершенное смиреніе? Съ правилами христіанскими нетрудно: „*что Мое благо и время Мое легко*“, сказалъ Спаситель; совершеннаго смиренія легко достигнуть чрезъ совершенное признаніе нашего ничтожества. Если мы убѣдимся въ той истинѣ, что человекъ есть только орудіе, получающее всѣ проявленія своихъ мыслей и познаній отъ источника блага, или источника зла; душа же человѣческая имѣть только способность понимать и свободу избирать то или другое. — Итакъ, если онъ согласился съ мыслию внушенною ему духомъ зла то онъ уже виновенъ; — потому что врожденное чувство совѣсти говоритъ ему противное. Если же онъ принялъ вдохновеніе духа благодати; то можетъ ли онъ гордиться тѣмъ, что не отъ него происходитъ? — Онъ долженъ только чувствовать благодарность за ниспосланіе ему доброй или полезной мысли; а потому, не имѣя чѣмъ хвалиться, — онъ долженъ чувствовать убѣжденіе въ своей непрестан-

ной зависимости, въ своемъ ничтожествѣ безъ помощи благодати, или *внутреннее смиреніе*.

И такъ христіанское смиреніе есть начало добродѣтелей;—гордость—основаніе пороковъ;—самолюбіе, славолюбіе, честолюбіе, тщеславіе, самонадѣятельность,—это все ея порожденія, различныя ея виды.

Самый смиреннѣйшій на землѣ былъ Спаситель нашъ, и потому Онъ есть самый высочайшій на небеси.—Итакъ, чѣмъ выше кто почитаетъ себя здѣсь—на землѣ, тѣмъ болѣе удаленъ будетъ отъ Него въ будущемъ мірѣ; отсюда слѣдуетъ обратная прогрессія состоянія духовнаго: чѣмъ выше кто думаетъ быть здѣсь,—тѣмъ ниже будетъ тамъ, и обратно.

Говорятъ однакоже что человекъ имѣетъ врожденное побужденіе къ совершенствованію себя, слѣдовательно — *къ возвышенію*;—дѣйствительно, но только должно помнить, что можно возвышаться двумя образами, однимъ, чтобы чувствовать себя превосходящимъ другихъ или господствующимъ надъ подобными себѣ; другой образъ возвышенія состоитъ въ томъ, чтобы господствовать надъ всѣми своими душевными и тѣлесными страстями, стараясь сколько возможно приблизиться къ единственному образцу совершенства Спасителю нашему.—Первое возвышеніе основано на униженіи другихъ,—на гордости; второе,—на униженіи себя, на смиреніи.

Вѣрнѣйшій способъ, къ усовершенствованію себя состоитъ только въ одномъ: признавъ совершенное свое ничтожество безъ помощи благодати,

во всякую минуту жизни, при образованіи каждой раждающейся мысли или предпріятія или рѣчи, имѣть предъ собою Самаго Спасителя, какъ бы вопрошая Его: *что я долженъ дѣлать* въ этомъ случаѣ, или *хорошо ли я это сдѣлаю или скажу?* или спросить себя: „чтобы *Спаситель* сказалъ или *сдѣлалъ* въ этомъ случаѣ? И Онъ отвѣтитъ душѣ нашей внушеніемъ изъ своего Евангельскаго закона; тогда, каждый нашъ шагъ будетъ ограниченъ Его святою волею, и врагъ не въ силахъ будетъ совратить насъ съ пути истины и добродѣтели; мы будемъ чувствовать себя какъ бы въ непрестанномъ Его присутствіи, и Онъ, по обѣтованію Своему, точно будетъ присутствовать въ душѣ нашей; и это присутствіе Его мы будемъ ощущать по необыкновенному сладостному чувству совершеннѣйшаго внутренняго спокойствія и благодарности къ Богу.—Это великая тайна, *содѣйствія искупленія*, не знаемая многими христианами.

Но всегда ли чувство внутренняго удовлетворенія или довольства бываетъ признакомъ присутствія благодати?—Должно весьма остерегаться, чтобы врагъ не облекся въ эту свѣтлую ризу души нашей; такъ если мы сдѣлали, хотя даже въ тайнѣ, доброе дѣло и чувствуемъ отъ того внутреннее удовольствіе; то стоитъ только измѣнивъ выраженіе, сказать: мы бываемъ *довольны собою*; слѣдовательно, это чувство *самодовольствія*. То есть мы внутренно *похваляемъ себя* за сдѣланное нами доброе дѣло, и тѣмъ самымъ погубляемъ всю

цѣну его:—Вотъ какъ должно остерегаться этого удовольствія душевнаго, которое можно назвать *духовнымъ сладострастемъ*.—И евангельскій фари́сей былъ доволенъ своими дѣлами и благодарилъ Бога. ...*иже дожди гни отъ умотов*; (Св. 7. глаго)

Но если мы, сдѣлавъ какое либо доброе дѣло, вообразимъ всю малость, и всю ничтожность сдѣланнаго нами, и зная что все благое дается свыше, возчувствуемъ всю душу свое ничтожество, и при томъ состраданіе и любовь къ ближнимъ, помня что мы всегда обязаны дѣлать другимъ то, чего желали бы себѣ; то намъ не останется чѣмъ быть довольными собою; потому что мы увидимъ, какъ далеко не можемъ исполнить и малѣйшей части того, чѣмъ мы должны нашему Искупителю.

Достигнувъ совершеннаго *внутренняго смиренія*, мы побѣдимъ еще одного страшнаго, злѣйшаго врага: *сужденіе* или *осужденіе ближнихъ*.—Это самое ужасное зло, на которомъ основывается наше собственное осужденіе въ будущей жизни, по слову: „не судите да не судимы будите.“ Это зло такъ вкоренилось въ нашихъ обществахъ; такъ сдѣлалось обыкновеннымъ между самими христіанами, что вездѣ въ общественныхъ разговорахъ поставляютъ ни во что, говорить о другихъ и осуждать ихъ; и часто одно слово сказанное въ осужденіе человѣка, можетъ лишить его добраго имени, довѣрія къ нему; лишить цѣлое семейство бѣднаго пріюта и даже дневнаго пропитанія;—и все это дѣлается тогда, какъ одно помышленіе въ осужденіе ближняго есть уже страшный грѣхъ предъ

Богомъ и дѣлается нашимъ собственнымъ судомъ. Чтобы сдѣлать это болѣе понятнымъ, вспомнимъ что Спаситель нашъ сказалъ: „*Отецъ несетъ на Себѣ никогоже, но всякій судъ отдалъ Сыну* (Иоан. V. 22.); потому что Сынъ предложилъ Себя искупительною жертвою для спасенія падшаго человечества, т. е. Онъ принялъ и понесъ на Себѣ всю тяжесть грѣховъ всѣхъ судимыхъ Имъ, будучи Самъ безгрѣшенъ и Святъ. — Поэтому, каждый человѣкъ, осуждающій ближняго своего, — принимаетъ тяжесть грѣха его на себя, но не будучи самъ безгрѣшенъ, не въ силахъ искупить его своею чистотою и святостью, которыхъ не имѣетъ, — принимаетъ и осужденіе его и снимаетъ грѣхъ съ осужденнаго имъ (посл. къ Римл., 11 I.). Следовательно какъ святотатецъ въ великомъ дѣлѣ искупленія Онъ принимаетъ на себя право суда, принадлежащее Одному Искупителю. — Итакъ, если будемъ безпрестанно помнить, что чрезъ малѣйшее осужденіе ближняго, словомъ или помышленіемъ, мы принимаемъ всю тяжесть его грѣха, будучи сами уже достойны осужденія за свои собственные грѣхи; то осмѣлимся ли помыслить о другихъ что либо предосудительнаго?

II.

Христіанинъ не можетъ насмѣхаться надъ недостаткомъ умственныхъ способностей человѣка; потому что степень ихъ не зависитъ отъ него, а определяется Создателемъ при рожденіи. Неимѣющіе вовсе ума называются безумными и остаются безсмысленны и идиоты, которыхъ назначеніе тайна

непостижимая, предъ которою мы должны оставаться въ благоговѣйномъ молчаніи. Кромѣ сихъ, Богъ даетъ каждому человѣку довольно ума для того, чтобы понимать доброе и худое и чтобы не дѣлать глупостей; и нѣтъ такой степени умственныхъ способностей, которая не могла бы быть полезна въ своей сферѣ. И потому, если человѣкъ выходитъ изъ опредѣленной ему сферы, по своему самолюбію и чрезъ это дѣлается смѣшнымъ, то не малоуміе его кажется забавнымъ, но его самолюбіе или гордость, заставляющая его подвергаться осмѣянію.

III.

Нѣкоторые мыслители утверждаютъ, что отвлеченное или сверхъестественное начало зла, — какое намъ извѣстно изъ божественнаго откровенія, — не существуетъ; что зло заключается въ идеяхъ или образѣ дѣйствій свободныхъ существъ. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія говорятъ: „могъ ли сотворенный духъ или ангелъ возмутиться противъ своего Творца?“

Въ отвѣтъ на это я спрашиваю: когда человѣкъ, гордясь своими скудными познаніями, дерзаетъ отвергать промыслъ и даже отрицать самое бытіе Божіе, употребляетъ въ пошлыхъ рассказахъ Его святое великое Имя и даже ругается Ему; то кто это дѣлаетъ въ человѣкѣ? Его плоть, безжизненное вещество, ежедневно истлѣвающее, или духъ его, посланный въ міръ вещества для одушевленія его тѣлеснаго организма; духъ получившій въ удѣлъ качества міра духовнаго, свободу разума и

воли? Плоть, какъ вещество, покаясь не поколебимому закону, начертанному для него отъ начала бытія, можетъ ли порождать идеи противныя этому закону или дѣлать злоупотребленіе этого закона?— а еще менѣе можетъ производить дѣйствія или пораждать мысли противнравственныя, выходящія изъ сферы міра вещественнаго?

Г. Р.

1 Ноября 1866 г.

Два слова о страшномъ недугѣ въ простомъ народѣ.

(изъ замѣтокъ сельскаго священника).

Въ статьѣ „о задачахъ епархіальн. вѣдом.“*) было заявлено желаніе „обнаруживать мѣстные наиболѣе распространенные пороки и вообще уклоненія отъ благовѣрнаго житія.“ Не касаясь многихъ, и многихъ изъ нихъ, мы намѣрены сказать кое-что о страшномъ недугѣ, въ настоящую пору, проникнувшемъ въ скромныя жилища нашихъ поселенъ.

Мы, съ намѣреніемъ, въ заглавіи нашихъ замѣтокъ, не назвали прямымъ именемъ порока о которомъ думаемъ говорить... и только крайняя необходимость предотвратить зло, побуждаетъ насъ — говорить, о немъ съ подобающею откровенностію, „не срамляясь“....

*) Статья эта была помѣщена въ 1 № неофиц. части епархіальн. вѣд., за 1863 годъ.

Еще не хотѣлось-бы намъ высказаться до наготы. Но, думаемъ, многіе, изъ сказаннаго нами, догадались., что здѣсь идетъ дѣло о любострастной болѣзни, называемой иначе „венерическою.“

Почти съ первыхъ дней житья въ приходѣ, въ бесѣдѣ съ прихожанами, мнѣ приходилось слышать о лицахъ, страждущихъ помянутою „проказою“, причемъ, впрочемъ, они относились о недугѣ ихъ (страждущихъ) съ довольно не приличными эпитетами, отчасти даже бранными, или сдѣлавшимися такими отъ большаго и большаго вселенія заразы. Не много позже, именно, въ рождественскій постъ, посѣщая дома своихъ пасомыхъ, съ молитвой, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мнѣ пришлось поближе приглядѣться къ дѣлу. Въ 5 домахъ моего немногочисленнаго прихода я пораженъ былъ такими живо-ужасающими картинами развившейся болѣзни, которыя, по совѣсти говоря, вызвали у меня и ужасъ, и сожалѣніе о страдальцахъ, и, даже, что-то въ родѣ омерзвѣнія... Постараюсь то что я видѣлъ рассказать, какъ можно вѣрнѣе.

Въ 1 домѣ, куда я вошелъ прочесть молитву и познакомиться съ живущими, я былъ пораженъ далеко не привлекательнымъ видомъ едва, я остановился у приготовленнаго стола и собрался вздохнуть, какъ былъ, буквально, потрясенъ волною самаго отвратительнаго-гнилаго, затхлаго воздуха, въ конецъ охватившаго мой легкія... Не знаю, какъ долго я могъ бы дышать подобнымъ воздухомъ, которому мало, даже, пособила дымящаяся на прилавкѣ курильница съ ладаномъ. (На скоро про-

читавши молитву, я оборотился со Св. Крестомъ къ присутствующимъ, и тутъ-то еще больше, еще яснѣ увидѣлъ то, что врядъ-ли удастся мнѣ скопировать отчетливо—до мѣлочн... На лавкѣ сидѣлъ мужчина лѣтъ 50-ти съ ужасно исхудалымъ лицомъ и, не смотря на сильное его желаніе приподняться облобызать Св. Крестъ... онъ только покачнулся и припалъ къ стѣнѣ... я подошелъ къ нему и подаль священное знаменіе: не рукою, но какимъ-то остовомъ, на которомъ чуть держалась приплюснутая, помертвѣвшая кожа онъ съ ужасающимъ трясеніемъ организма едва—едва сдѣлалъ крестное знаменіе и засохшими, помертвѣлыми губами прильнулъ ко кресту. Обращаюсь въ другую сторону: на четырехъ доскахъ, называемыхъ у насъ „поломъ“, полу-лежала дѣвица, лѣтъ двадцати. Не стану описывать ея блѣднаго, желтаго лица, съ мрачными по немъ разводами и посинѣлыми губами, какъ бы клеймами гибельнаго недуга... ноги ея, до колѣнъ обнаженныя, объяснили мнѣ горькую истину. Холодомъ душу охватываетъ, при видѣ жертвы отравившей себя своими страстями... А можетъ и не она, а родители ея согрѣшили.

Да,—ноги полу-лежавшей такъ страшно были изъязвлены большого размѣра струпами, съ блѣднымъ оттѣнкомъ... такъ жалко, изранены язвами и гноемъ, издававшими отвратительный смрадъ и зловоніе что-то, что служить удѣломъ отходящихъ изъ міра сего, при разложеніи тѣла (и то впрочемъ, не всѣхъ), то осязательно, теперь, пред-

стало глазамъ моимъ въ лицѣ помянутой дѣвицы...

На печкѣ, тоже, шевелилось какое-то живое существо—мальчишка—лѣтъ 10, какъ кажется, жертва любовнаго страстнаго (конечно.. не своего)... и—вотъ, въ одной тѣсной избѣ, три жертвы, отжившія почти все на этомъ свѣтѣ, за-живо мертвыя, а страждущія невыразимо тяжко!!—Не стану описывать свои впечатлѣнія, сгруппировавшіяся въ душѣ моей подъ вліяніемъ всего видѣннаго, это было-бы через-чуръ длинно и утомительно. Продолжаю...—

Обратившись къ старику, я спросилъ его: „чѣмъ вы больны?“—Болізь, батюшка.—„Знаю, что болізь, да какая?“—но старикъ, видимо смущенный моими разпросами, вздохнувъ, сказалъ:—лучше-бы вмерти, батюшка.—Не желая болѣе смущать старика... и задушаемый гнилымъ воздухомъ и разносившимся по избѣ, въ конецъ убійственнымъ, злосрадіемъ,—я посѣшилъ выйти.

Проходя далѣе свою весъ, сопутствовавшій мнѣ причетникъ (болѣе пятнадцати лѣтъ живущій въ приходѣ) рассказалъ кое-что, служащее дополненіемъ къ біографическому очерку описываемой семьи: именно, что старикъ имѣлъ жену, четырехъ женатыхъ сыновей и что всѣ они отошли во страну далече—жертвами проказы.... и что изъ четырехъ невѣстокъ его, три, помаявшись нѣсколько лѣтъ на свѣтѣ, по смерти мужей, „преставились“ (какъ выражался мой причетникъ), ...и что только одна изъ нихъ, какъ-бы чудомъ какимъ, осталась изъятою отъ проказы, и теперь находится въ полномъ здравіи... Одного, только, я не могъ добить-

ся, кто первый, въ упомянутую семью, внесъ эту смертоносную язву?

Въ другой разъ, меня позвали напутствовать Св. тайнами больную. Прихожу. На столѣ бѣлая скатерть, и въ углу, подъ образами курящейся ладонь... но, воздухъ, страшно зловонный и удушающій. Къ этому прибавьте, сильный жаръ въ избѣ.. черныя, прокопченныя отъ дыма стѣны (въ слѣдствіе не порядочнаго устройства печки), и нѣкоторое собраніе нечистотъ, на когда-то смазанномъ полу, отъ остатка питья и яствъ, коими недавно потчивали домашнихъ животныхъ, имущихъ въ зимнюю пору жильѣ съ-обща съ своими домохозяевами.... А все отъ чего такая нечистота?—Отъ того, что домохозяйка больна, при томъ давно, и чѣмъ же?—присловуютою „проказою“, которая сама по себѣ, по мимо другихъ отъ внѣ стороннихъ нечистотъ, хуже всѣхъ изъ нихъ, отвратительнѣе и сквернѣе всего... Когда я приобщилъ св. тайнъ „прокаженную“... она дрожащимъ подобіемъ руки перекрестилась и со слезами, сиплымъ голосомъ сказала: „бабушка.. помоліцця, щобъ Богъ мене принявъ“.—Не умѣю о такомъ молиться,—сказаль я ей... „Дакъ, якъ знаете, такъ и помоліцця“ едва прошептала она.... При этихъ словахъ страждущей, ввалилось въ избу другое существо мужеское, имущее на лицѣ своемъ тѣ-же жалкія клейма „проказы“.... я сказалъ—что оно не вошло, а ввалилось... потому, что ноги его были вдавлены въ средину, между промежутками, на подобіе двухъ буквъ гг, обороченныхъ вверхъ ногами.... На воп-

рось мой: „кто ты?“ — онъ назвалъ себя мужемъ больной... Когда я еще разъ оборотился къ больной съ знакомъ прощанія, то въ это время, между печкою и столбомъ, который поддерживалъ потолокъ избы, замѣтилъ, на узкой лавкѣ ребенка лѣтъ пяти, который, желая взглянуть на меня, вытаскилъ изъ засады свое лицо, украшенное круговидными черными струпьями..., да и на этомъ маленькомъ существѣ уже лежитъ явная печать любострастія отца или матери! — Болѣе всѣхъ обратилъ на себя мое вниманіе этотъ ребенокъ... мнѣ захотѣлось знать кто виновникъ въ преждевременномъ отравленіи его жизни.. его мученій, не выносимыхъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Обращаюсь къ мужу. Послѣ многихъ изворотовъ и объясненій, ничего не объясняющихъ, онъ, наконецъ, высказался — „що доставъ сїі болізні бувше, ще парубкомъ, у сахарному заводі“.... а, женясь, передалъ женѣ и погубилъ дитя — вотъ, опять, пѣлая семья новопрокаженныхъ!

Да, въ разное время, мнѣ приходилось видѣть еще съ 10 прокаженныхъ. — Были личности всякаго пола и возраста, и самая болѣзнь ихъ была въ разныхъ періодахъ своего дѣйствованія... Къ несчастію, въ моей не многолюдной веси, по совѣсти говоря, около 15—18 разныхъ „новопрокаженныхъ!“ — Если, и объ одной погибшей овцѣ скорбитъ Домовладыка, тѣмъ болѣе объ одномъ, другомъ десяткѣ такихъ погибельныхъ. И тѣмъ больше должно прилагать жалѣніе, что эта проказа существуетъ не въ одной моей веси, а во многихъ

селахъ и мѣстечкахъ нашей многолюдной епархіи, какъ приходилось мнѣ слышать о томъ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ. Не говорю о городахъ, гдѣ, тоже, достаточно всякой заразы и моральной и физической—отъ скопленія племенъ и народовъ... тамъ (въ городахъ) все-таки побольше и средствъ тушить вспыхнувшую проказу, тамъ—и медики, и больницы, и госпитали, и богоугодныя заведенія, и аптеки и всего достаточно.

Но, чѣмъ прикажете тушить вспыхивающую и зрѣющую заразу, въ такъ называемыхъ „глухихъ селахъ?“ Намъ, пожалуй, могутъ сказать, что въ каждомъ уѣздномъ городѣ есть уѣздныя врачи, есть медики вѣдомства государственныхъ имуществъ „вотъ къ нимъ, дескать, и обращайтесь. Такъ-то-такъ. Да, почему-же одержимые заразой не ищутъ тамъ исцѣленія? Одни, какъ намъ кажется, по не состоятельности, — другіе—по природенной, или благопріобрѣтенной скрытности, а нѣкоторые по ложному, суевѣрному убѣжденію — обращаются къ мѣстнымъ эскулапамъ разнымъ колдуньямъ и знахарямъ, врачующимъ, по большей части, изумительно убійственными средствами и отравами, въ родѣ мышьяка, ртути, квасцовъ и под. средствъ селькой фармаціи. И сколько гибнетъ жертвами такого звѣрскаго, анти-человѣческаго лѣченія! Тутъ на дѣлѣ, выходитъ такая практика, что прежде, чѣмъ можно будетъ излѣчиться слѣдуетъ быть отравленнымъ въ конецъ.

Съ своей стороны скажемъ, что сколько нибудь, да можно бы помочь горю. Вѣдь, съ міра восни-

тываются правительством оспопрививатели... почему бы невозможно, на таких же кондиціяхъ, воспитывать и другихъ кліентовъ врачебной медицины, въ родѣ фельдшеровъ, подѣлкарскихъ поучениковъ....хоть по одному на два-три села?... даже безъ опредѣленнаго отъ казны жалованья для нихъ, а только съ правомъ-жить плодами своей практики, и то жатва былабъ обильна.

Мы думаемъ, что очень легко можнобы міромъ собраться на устройство, хотя скудной аптеки, съ самыми необходимыми медикаментами.... по 4 к. съ 500 душъ, вотъ и 20 р.—на которыя, на всякій случай, можно имѣть кой-что. Прекрасно былобы и помѣстить такую аптеку въ домѣ священника,—но, къ несчастію, многіе изъ насъ (едва ли не цѣлая половина) толкуются въ такихъ лачугахъ, гдѣ заразными хозяйственными атрибутами нѣтъ мѣста настольной, подѣлкарской книгѣ.... и за собраніемъ, въ такихъ жильяхъ, порядочнаго количества сырости невозможно бываетъ, даже сохранить въ чистотѣ и цѣлости одежду. Намъ кажется, что аптеку удобно и легко помѣщаться въ домѣ церковн. старосты, каковыя лица, по большой части, люди зажиточные.

Да, многое, пожалуй, можно бы устроить—была бы къ тому охота и усердіе...., а безъ того мудро „обухомъ рожь молотить.“

II Высказанное нами—есть одно желаніе добра челоуѣчеству, которое и на долгое время останется такимъ (желаніемъ) безъ содѣйствія и дѣятельнаго участія самихъ нуждающихся. Намъ, только ка-

жется, что подобная мѣра до чего нибудь лучшаго въ будущемъ была-бы не бесполезна.

Но, прежде, чѣмъ что либо можетъ быть такое, намъ хотѣлось бы заявить и еще — одно радикальное, хотя и временное врачеваніе пресловутой „проказы.“ Врачевство, которое мы предложимъ, собственно наше... зависитъ отъ насъ — духовныхъ врачей народа. Мы, впрочемъ, не беремся врачевать уже „злѣ страждущихъ“ — а думаемъ отразить заразу отъ усвоенія ея еще здоровыми, не допуская такихъ „прокаженныхъ“ до узъ брака. Правда, нѣкоторымъ оно можетъ показаться не гуманнымъ, а другіе, чего добраго, сочтутъ это за „крутую мѣру,“ которая ни чуть, дескать, не въ тонѣ нашего вѣка, обильнаго всяческими образцами нѣжности т. е. распущенности человѣческихъ чувствъ. Но, все же, хоть съ посошкомъ, добредемъ до края... Тѣмъ свободнѣе и легче предложили мы такое врачевство, что оно (какъ мы прежде сказали) въ нашихъ рукахъ..., и хотя оно и составляетъ, быть можетъ, крайность, но оно вызвано насущною, крайнею нуждою — чѣмъ нибудь, при томъ скоро, помочь горю.

Другіе можетъ быть найдутъ и получше средства уврачевать недугъ; просимъ заявить.. Мы только начали съ легкой руки..

Свящ. Іоаннъ Галабутскій.

Содержаніе: I. Слово въ недѣлю по просвѣщеніи II. Памяти митрополита Евгенія (1767—1867). III. Переходящія мысли. IV. Два слова о страшномъ недугѣ въ простомъ народѣ.

Редакторъ Прот. Н. Думитрашко.
Печ. д зывается 1867 г. Февраля 1 дня. Цензоръ Пр. Катриновъ.
Полтава. Въ типографіи бр. Н. и П. Пигуренко.